

Австрия в миниатюрах

Составление, перевод и вступление
НАТАЛИИ ВАСИЛЬЕВОЙ

[167]

ИЛ 1/2020

Несмотря на то, что австрийская литература в большинстве своем безусловно пишется на немецком, “говорить об австрийской литературе как о немецкой было бы смешно”, считал известный исследователь австрийской словесности Венделин Шмидт-Денглер. Согласно другой популярной формуле, приписываемой кабаретисту Карлу Фаркасу: “Общий язык есть то, что Австрию и Германию разделяет”.

Размежевание с германским соседом и формирование мифа “австрийской идентичности” историки относят ко времени судьбоносного поражения Австрии в 1866 году в прусско-австрийской войне и к периоду объединения немецкоязычных земель под эгидой Пруссии — но уже без Австрии — в Германскую империю. В последующие годы, до и во время Первой мировой войны, идея “*homo austriacus*” активно поддерживалась и австрийскими литераторами. Хуго фон Хофмансталь в небольшой заметке-“схеме” 1917 года “Пруссаки и австрийцы” “схематично” противопоставлял два полярных менталитета: прусский, протестантско-просветительский, который зиждется на убеждении, что “все в человеке и от человека”, и во главу угла ставит такие качества личности, как прагматизм, дисциплина, самоуверенность, — и австрийский, в основе своей барочно-католический, который опирается на представление, что “все свыше: от природы и от Бога”, и формирует такие отличительные качества “австрийца”, как человечность, независимость, самоирония. И если для Пруссии, “искусственно созданного конструкта”, объединяющей становилась “господствовавшая на данный момент государственная идеология”, будь то “космополитизм, либерализм или бисмарковская модель”, то для Австрии, веками сраставшегося “социального полотна”, сплывающей была “любовь к родине”.

Тема родины, и сегодня по преимуществу избегаемая немецкой литературой, в австрийской литературе звучит гораздо отчетливее, хотя нередко в типично австрийской интерпретации, с существенной долей самоиронии, “иронии до

самораспада”, как еще называл это свойство австрийской души Хофмансталь.

Зарисовки такого “самого обыкновенного австрийского кошмара”, как любят говорить австрийцы, предлагает Антонио Фиан в открывающих подборку драмолеттах. Многие из этих мини-драм написаны по следам конкретных событий: на основе газетных новостей, радиосообщений, результатов последних соцопросов, или же словно выхвачены из гущи повседневных сцен и разговоров. Кулисами часто выступают Каринтия, южная область Австрии и “малая родина” Антонио Фиана, или Вена, где он живет сегодня. Но злободневный материал настолько в них уплотнен — до гротескности, до черного юмора, “искажен до узнаваемости”, как было отмечено при вручении Антонио Фиану в 2018 году Литературной премии Министерства культуры Австрии, что оборачивается весьма беспощадным диагнозом. А звучащий разговорный язык: диалектный, жаргонный, по-обывательски заземленный, по-канцелярски обезличенный, экзальтированно возвышенный — во всех жизненных ипостасях — сам предмет сатиры, но и примета австрийской “человечности”.

Тон “критичной благожелательности” отличает и произведения Алойса Брандштеттера, писателя более старшего поколения, мастера малой прозы. Алойс Брандштеттер — выходец из Верхней Австрии, годы учебы провел, в частности, в городе Линц, административном центре этой северо-западной федеральной земли, позднее работал профессором-германистом в Саарском университете в Германии, затем в Клагенфуртском университете в Австрии. В поэтически емком тексте “Вена по понятиям линчан” он с характерным “верхнеавстрийским юмором” откликается на “вечную” для Австрии тему: взаимоотношение столицы и провинции, их непреодолимое различие не только в образе жизни, но и в языке.

Веселый нонконформизм в отношении абсурда современного жизнеустройства характерен и для авангардистского и в то же время традиционалистского текста Бодо Хелля. С неакадемичной шутливостью комбинируя разновременные языковые пласты, автор дает почувствовать несопоставимое выразительное превосходство языка XVI-XVII веков, эпохи книг-“домостроев”, напоминает о мудрости вековых народных традиций, безнадежно утраченных в наш технократический век. Бодо Хелль — уже начиная с семидесятых заметная величина в австрийской литературе, продолжатель традиций легендарной авангардистской “Венской группы”, автор многочисленных экспериментальных текстов и летописец

венских городских табличек и надписей, — живет сегодня в Вене, но вот уже более сорока лет на летние месяцы уезжает на высокогорное пастбище пасти овец, коз, быков, поддерживая тем самым традиционное крестьянское хозяйство, “ведь кто-то же, — как он говорит, — должен начать”.

Бунтарский дух — отличительная черта и произведений Райнхарда П. Грубера, самого “многогранного писателя страны”, автора романов, пьес, эссе, популярных мюзиклов, иронического сборника стихов, известного классика так называемого жанра “антипатриотической литературы” и в то же время культового писателя на своей малой родине, в юго-восточной земле Штирия. К оружию сатиры, по собственному свидетельству, он прибегает, чтобы “дробить расхожие патриотические клише”, а свою наступательную позицию поясняет так: “Родина — место, где я живу. Если я ее брошу, ей будет одиноко. Любая родина, как и любой человек, страшится быть брошенной. В этом смысле есть в родине даже что-то человеческое.” В публикуемом тексте поводом для негодующих эскапад и вместе с тем для обширнейшей панорамы жизни — не только своей страны, своего поколения, но и Европы в целом, планеты в целом — становится крайне обиденный материал: набор кулинарных рецептов. Но в том и заключается “старая добрая традиция” австрийской литературы, что сюжет часто — лишь отправная точка для активации подрывной энергии слов и для расшатывания закоренелого и приземленного взгляда людей на жизнь. “Мы могли бы, если приложить усилия, стать человеческими существами, — высказывает предположение Грубер. — Но нужно много усилий”.

“Кошмар” австрийской действительности предстает и в более привычной форме. Поэт и прозаик Вольфганг Херманн, родом из Форальберга, самой западной земли Австрии, подчеркивает, что “никогда не считал себя экспериментатором в языке”. Для него писательство — “это поиск языка чувства, языка сердца, поиск внутреннего образа”. Его новеллы-зарисовки об унылой, “атомизированной” жизни “маленьких людей” сегодняшнего Форальберга по тону напоминают скорее произведения “критического реализма”. “Жалкий мир, в котором, кроме веры в устойчивость цен на земельные участки, не осталось больше почти ничего”, — характеризует Херманн в одном интервью настоящее своей “малой родины”. Возможно, такая особая, “нетипично австрийская” тональность объясняется некоторой “экстерриториальностью” этой федеральной земли. Возможно, сказывается дух “трудолюбивого протестантизма”, впитанный, по свидетельству автора, в детстве в родительском доме.

Далеко не идеализированный образ “малой родины”, вбирающий в себя “все, что бывает между людьми”, предстает и в тексте Франца Вайнцеттлера, выходца из маленькой деревушки Восточной Штирии, на бывшей границе бывшего железного занавеса. Ныне Франц Вайнцеттлер живет, пишет и работает психотерапевтом в штирийской столице Грац. Произведения этого “самого тихого писателя на литературной арене” Австрии, “писателя в офсайде”, рассказывают по большей части об одиночестве, изоляции, страхе, но тем ощутимее связанная с “чувством родины” сильная лирическая нота – нота, созвучная и “славянской душе”.

Ощущение мимолетности, хрупкости, уязвимости настоящего доминирует в пейзажной, по-восточному лаконичной лирике Ильзе Хельбих, в моментальных снимках окрестностей родного ей городка Шёнберг на реке Камп в Нижней Австрии, в северной части страны. Определяющим для своего мироощущения она называет трагический опыт Второй мировой войны, принесший страх, страдания, разрушения в ее жизнь, и вынесенное из всего пережитого сознание, что “в любой момент все может быть утрачено”. Ильзе Хельбих, удостоенная в 2018 году Премии по культуре правительством земли Нижняя Австрия, свою первую книгу издала в возрасте восьмидесяти лет: через писательство, по собственному признанию, она обретает более ясный взгляд на свою жизнь, а жизненное равновесие находит в медитации и философии дзэн-будизма.

Дает о себе знать любовь к родине и там, где ее трудно было бы ожидать – в текстах Петера Хандке, “enfant terrible” австрийской литературы, но и одного из самых известных австрийских писателей. Ныне Петер Хандке живет под Парижем. Среди публикуемых в подборке сентенций, привидившихся ему, по собственному утверждению, во сне, – саркастичных, полных колкостей в адрес родной Каринтии, встречается, однако, и такая: “Неужто это и есть та самая тоска по родине?” Помимо австрийской звучит и важная для Хандке балканская тема, ставшая из-за его позиции в отношении войны в Югославии поводом для гневных нападок на него журналистского сообщества. Присутствует в сентенциях, разумеется, и тема собственного творчества – ибо о себе с характерным ироническим вызовом он свидетельствует: “У меня есть мечта и сила быть универсальным”.

“Именно литература определяет образ страны, и в первую очередь тем, что с упорством и мягкой силой противоборствует всем ее расхожим образам”, – еще одно изречение Ханд-

ке, которым встречает своих посетителей Венский литературный музей.

Надеюсь, что многоликая мозаика текстов позволит читателю уловить этот нестандартный образ современной Австрии и почувствовать особенность “эксцентричной маленькой сестры” немецкой литературы.

Дополняют подборку высказывания известных австрийцев об Австрии.